

О НЕКОТОРЫХ СЛОВАРНЫХ ОБЩНОСТЯХ КАРТВЕЛЬСКИХ И НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Чем глубже проникает исследование в историю кавказских языков, тем отчетливее выступает стратификация их лексического фонда. Все более определенно обозначаются как словарные общности общекавказского распространения, так и материал, специфический для их отдельных групп — абхазско-адыгской, картвельской и нахско-дагестанской. К настоящему времени стало, например, достаточно очевидным, что наиболее бросающиеся в глаза черты лексической общности этих языков представлены, если отвлечься от русизмов позднейшего периода, многочисленными интернационализмами мусульманского мира, с одной стороны, и довольно значительной здесь совокупностью дескриптивных (звукосимволических и звукоподражательных) образований — с другой. Обе эти категории словаря лежат, по существу, на поверхности, и их выявление, как правило, не предполагает выполнения сколько-нибудь углубленного исследования. Примерно такая же картина наблюдается на Кавказе в большинстве случаев межгрупповых заимствований, имеющих распространение в минимальном числе контактирующих языков, и когда определение генетической зависимости конкретных фактов также не представляет трудностей (ср., например, грузинизмы цезских языков, нахизмы горских грузинских диалектов, абхазизмы мегрельского языка и т. п.). Значительно сложнее обстоит дело с другой категорией межгрупповых кавказских лексических параллелизмов, имеющих в каждой из групп весьма широкое распространение, обычно — относительно глубокую хронологическую перспективу, и иногда способных даже создать иллюзию их принадлежности к общекавказскому лексическому наследию. Едва ли приходится удивляться тому обстоятельству, что количественный прирост соответствующих сопоставлений происходит в кавказском языкоznании очень медленными темпами. Достаточно отметить, например, что за более чем столетнее существование в науке гипотезы внутреннего родства кавказских языков накопилось едва около двадцати словарных соположений, объединяющих все три группы этих языков, и несколько больше параллелей, существующих между абхазско-адыгскими и картвельскими

языками, представляющих интерес с точки зрения данной гипотезы¹. Имеется примерно пятнадцать выявленных в основном в работах В. И. Абаева общих для абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков лексем, обязанных староиранскому, преимущественно аланскому, источнику. Наконец, прослежено совсем немного старых заимствований общекавказского распространения².

Предмет этой заметки составляет рассмотрение нескольких наиболее широко представленных лексических параллелизмов картвельских и нахско-дагестанских языков, сложившихся частью в ходе их многовековых взаимных контактов, частью же в процессе их взаимодействия с внешним языковым окружением. Основными ориентирами в ограничении этого пласта словаря явились обычный нерегулярный (с точки зрения исторической фонологии каждой из групп) характер соотношения звукотипа соответствующих лексем в заимствующих языках и его более или менее очевидная «культурная» нюансировка. Приходится, однако, оставлять по существу в стороне наиболее сложный хронологический аспект становления рассматриваемых общих изоглосс, для решения которого обычно имеется слишком мало точек опоры.

Для одной группы подобных общностей устанавливается картвельский, точнее — грузинский, источник. Так, в конечном счете к груз. *mčad-i* || *čad-i* (последняя форма засвидетельствована и в древнегрузинских памятниках) 'кукурузный, просянной чурек' восходит существующее во многих нахско-дагестанских языках название просянного или кукурузного хлеба: ср. авар. *čed* (эргат. п. *čad-ica*), гунз. *čade*, гинух. *čadi*, лакск. *ččač*, цахур. *čad*, лезгин., крыз., удин. *čač*. Следует заметить, что уже Н. Я. Марр догадывался о возникновении этой общности в процессе языковых контактов на Кавказе, хотя и не решался установить конкретные отношения зависимости между известными ему соответствующими фактами³. Между тем картв. *mčad-i 'просянной чурек' реконструируется, по крайней мере, уже для грузинско-

¹ Ср.: Г. А. Климо в. О гипотезе внутреннего родства кавказских языков. — ВЯ, 1968, № 6, стр. 16—25; О н же. Абхазоадыгско-картвельские лексические параллелизмы. — «Этимология», 1967. М., 1969, стр. 286—295.

² Ср.: R. Lafon. Le nom de l'argent dans les langues caucasiennes. — «Revue hittite et asianiique», 10, 1933, стр. 90—95; А. Н. Генико. О названиях плуга в севернокавказских языках. — ДАН СССР, сер. В, № 7, 1930, стр. 128—135; В. М. Иллич-Свитыч. Caucasica. — «Этимология. Принципы реконструкции и методика этимологических исследований индоевропейских и других языков». М., 1964, стр. 334—335; Г. А. Климо в. Из истории одной общеаварской лексической параллели (к названию домашней кошки в кавказских языках). — «Орион. Акацию Шанида». Тбилиси, 1967, стр. 378—381.

³ Н. Я. Марр. Непечатый источник истории кавказского мира. — «Изв. АН», 1917, № 5, стр. 322.

занской хронологической плоскости⁴. Недавно было предложено толкование грузинского слова как производного с деривационным суф. *-ad* от глагола *čam-* 'есть': оно могло явиться упрощением первоначального *čamatad-i*⁵.

Аналогичную направленность в своем распространении на Кавказе обнаруживает и общее для картвельских и ряда нахско-дагестанских языков обозначение гриба, несмотря на то, что на сомнения в принадлежности к общекартвельскому словарю груз. *soko- || zoko-*, мегрел., чан. *soko-* и сван. *sok(w)* 'гриб' (Г. И. Мачавариани допускает, например, что мегрельская и чанская лексемы могут происходить из грузинского; ср., однако, ЭСКЯ, стр. 165) наводит почти беспрецедентный факт наличия в приведенных основах двух этимологических *o*. Хотя имеются все основания считать, что источник соответствующих слов в обеих языковых группах (ср. бацб. *zok*, гунз., бежит. *zoko*, хварш. *žoko*, цезск. *ziku*⁶), обозначающих эту весьма маловажную с точки зрения экономической жизни автохтонных кавказских народов реалию и имеющих, как известно, интересные параллели в индоевропейских языках (ср. нем. *Schwamm* 'губка', греч. *στόγγος*, лат. *fungus*, арм. *sunkn*, *sokon* 'гриб')⁷, лежит за пределами Кавказа, именно картвельская языковая область должна была сыграть роль связующего с горскими кавказскими языками звена. Небезынтересно при этом, что названные картвельские лексемы, равно как и несколько обособленно стоящая удин. *samkal* 'гриб', особенно близки к новоарм. *sokon*, что может содержать определенные указания на хронологию распространения слова на Кавказе. Для горских грузинских диалектов, например, для ишавского и мохевского, характерна уже форма с начальным звонким (она же засвидетельствована в карталинской речи ущелья Арагвы). Именно она и лежит в основе как осет. *zoko || kozo*, так и упомянутых нахско-дагестанских слов. В связи с историей этой лексической изоглоссы представляется уместным высказать некоторые сомнения в исключительности для картвельского словаря и груз. *obol-i*, мегрел. *ombol-i* 'сирота' (ср. ЭСКЯ, стр. 150—151), также находящих параллели в нахско-дагестанских языках: ср. чечен. *bo* 'сирота', авар., гунз. *hobel* 'чужестранец', 'гость'. Подобно только что рассмотренным картвельским словам и в этом случае имеем основу с двумя этимологическими *o*, также на-

⁴ Г. А. Климо в. Этимологический словарь картвельских языков (далее — ЭСКЯ). М., 1964, стр. 142—143.

⁵ И. И. Иманайшвили. К этимологии *mčad-i* и *mčwad-i*. — «Орион. Акакию Шанидае». Тбилиси, 1967, стр. 165—170 (на груз. яз.).

⁶ Формы цезских языков сопоставлены с груз. *sočo*: Е. А. Бокарев. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959, стр. 231.

⁷ Ср.: H. Vogt. Arménien et caucasique du Sud. — NTS, Bd IX, 1938, стр. 334—335; также: Г. Б. Джакап. Взаимоотношения индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967, стр. 99 и 133.

ходящую многочисленные параллели в индоевропейских (ср. арм. *orb* 'сирота', род. п. — *orboj*) и некоторых других языках.

Аналогичным образом должна была сложиться общая для обеих языковых групп изоглосса слова со значением 'ключ'. Так, наряду с такими картвельскими формами, как мегрел. *kila*, *ķela*, чан. *kila*, (*n*)*kola* и сван. *kal* 'ключ', имеем авар. *kul*, лакск. *kula* 'ключ', арчин. *U'lerət-kul* 'замок' 'запор' (последнее слово указано нам К. Ш. Микаиловым). Любопытно отметить при этом, что в соответствие некоторым дагестанским названиям ключа отглагольного происхождения (андийск., ботл., карат., багв., тинд. *re-kul*, чамал. *ji-kul*⁸) могут быть поставлены картвельские глагольные основы: ср. мегрел. *kilua*, *ķelua*, чан. *o-nkol-i*, сван. *li-kl-e* 'запирать'. Рассматриваемая основа имеет многочисленные параллели в индоевропейских и семитских языках и, как предполагается, скорее всего восходит к древнему семито-хамитскому источнику⁹.

К этой группе случаев следует, по-видимому, отнести и несомненно вторичную общность картвельских и нахско-дагестанских названий греческого ореха (*Juglans*) или камешка гравия. В силу своей наиболее широкой распространенности в картвельских языках (груз., чан. *kakal-i*, сван. *kač*, *gak(a)* 'греческий орех', мегрел. *kačal-i* 'шишка' 'штука' 'зерно'; ср. также арм. *kačal* 'крупный орех', являющийся, по мнению Гр. Карапетяна занизом¹⁰) эти слова, несмотря на странную идентичность по языкам их вокализма, возможно, объясняющуюся их связью с картвельскими звукосимволическими обозначениями круглых предметов вообще, имеют картвельский центр тяжения (ср. ЭСЯ, стр. 105). Из нахско-дагестанских языков подобные лексемы повторяются, по-видимому, только в рамках лезгинской подгруппы: цахур. *ka-kale*, рутул., агул., удин. *kačal*, лезгин. *kačal*, табас. *kekel*, *ki-kel* 'камешек (гравия)' 'штука'.

Наконец, сюда же относится еще одна лексическая параллель, представленная в картвельских языках названиями наковални (ср. груз. *grdeml-i*, *gdeml-i*, *dgwlem-i*, мегрел. *kulamur-i*, *kulamor-i*), а в нахско-дагестанских семантически более широко варьирующими формами (ср. бацб. *grdem* 'наковалня', цахур. *g'irdəm*, лезгин. *girdim*, *gürdüm* 'колода', 'чурбан', табас. *gerdem* 'камень-валун', удин. *gürdüm* 'глыба', 'ком'). Если картвельские слова сводимы к архетипу **kʷʰyrdem-* грузинско-занской хронологи-

⁸ См.: Т. Е. Гудава. Консонантизм андийских языков. Тбилиси, 1964, стр. 129.

⁹ Ср.: В. М. Ильинич-Свитыч. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. — «Проблемы индоевропейского языкознания (этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков)». М., 1964, стр. 6, 8.

¹⁰ См.: Гр. Карапетян. О взаимоотношении армянского и лако-мегрельского языков. Ереван, 1952, стр. 36—37.

ческой плоскости (ср. также др.-груз. *kurdeml-i*), то нахско-дагестанские характеризуются несколько необычной фонологической структурой и в своем распространении ограничены ареалом, в основном примыкающим к грузинской языковой области.

Целый ряд других лексических общностей, существующих между обеими группами, сложился за счет проникновения из нахско-дагестанских языков. Так обстоит дело, например, с общими для картвельских и нахско-дагестанских языков названиями примитивной скамьи или доски. В первых из них сюда относятся мегрел. *ķwela*, чан. *ķuli* и сван. *ķwil* 'маленькая скамья' (в Мегрелии, согласно И. Кипшидзе, это скамья грубой работы длиной от половины до двух аршин; в Сванетии, по Н. Я. Марру, это низкая деревяшка, подкладываемая в качестве сидения возле импровизированного стола или заменяющей его доски¹¹). При всей внешней близости своего звукотипа, названные основы не сводимы, однако, к общему архетипу: здесь в частности, необычно соотношение вокализма мегрельского и чанского слов, кроме того, в ауслауте сванских слов общекартвельского происхождения этимологическое *l отражается в виде ়. Таким образом, источник картвельских форм следует, по всей вероятности, видеть в нахско-дагестанских языках: ср. цезск. *qquri*, хварш. *qgule* 'скамья', даргин. *urguli*, арчин., лезгин., рутул., табас. *qul*, цахур. *qiwa* 'доска', закономерно сводящиеся к праязыковому знаменателю¹² (в связи с имеющей место на картвельской почве субSTITУцией *k* > *q* в рассматриваемом плане интересно аналогичное соотношение начальных согласных в груз. *ķiç-i* 'желудок' и идущих уже отсюда мегрел. *ķiç-i* и сван. *ķwiç* того же значения, с одной стороны, и в таких дагестанских лексемах, как авар. *qđeçč* при форме мн. числа *qguçdul*, лакск. *qic* 'селезенка', гунз. *qdiç'i* 'зоб' — с другой; едва ли, однако, можно объяснить аналогичным образом, как это представлялось в свое время Н. Я. Марру, близость общекартв. **kad-//*ked-* 'стена' к авар. *qqed* то же). О значительной древности проникновения слова в картвельскую языковую среду свидетельствует его наличие в чанском, изолированном от мегрелоязычной территории начиная с V—VI вв. н. э. Если учесть, что осет. *ķela* 'скамья', зафиксированное лишь в дигорском диалекте, квалифицируется как картвелизм¹³, то роль географически необходимого посредника между обоими кавказскими ареалами распространения слова в прошлом скорее всего должны были сыграть какие-то древнегрузинские диалекты.

¹¹ И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. — МЯЯ VII. СПб., 1914, стр. 255; Н. Я. Марр. Из поездок в Сванию (летом 1911 и 1912 гг.), I — «Христианский Восток», т. II, вып. 1. Пг., 1913, стр. 10.

¹² См.: Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 64.

¹³ Ср.: Абаев. ОЯФ, стр. 327.

Другим дагестанизмом картвельских языков следует считать обозначение в последних такой характерной реалии горского кавказского быта, каковой является бурка: груз. *ყარტ-i* (по С. Орбелиани — 'дождевая бурка'¹⁴), мегрел. *ყარტ-i* (И. Кипшидзе переводит его как 'чоха'¹⁵), сван. *ყარტ*, *ყარტ* 'бурка'. На неисконный характер слова в картвельских языках может указывать не только идентичность его вокализма в грузинском и мегрельском, но и отсутствие его в чанском. Ближайшие параллели ему налицо в нахско-дагестанских языках: чечен. *werta*, ингуш. *ferta*, авар. *burtina* (уже отсюда идут цезск. *butni* и хварш. *butnu*), лакск. *warsi*, даргин. *warsi*, *gwarsi*, *warhi*, *wāte* (<*warte*), арчин. *warti*, лезгин., агул., рутул., цахур. *lit*, табас. *jurt* 'бурка' 'войлок' (часть этих основ сопоставлена с грузинской лексемой Ш. Г. Гаприандашвили¹⁶). По крайней мере в даргинских диалектах лексема обнаруживает системные звукосоответствия, а иногда ее рассматривают в качестве исконной даже по отношению к общедагестанской эпохе¹⁷. Впрочем, обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство отмеченных нахско-дагестанских форм повторяет одну из диалектных даргинских, а также их возможная сводимость в конечном счете к какому-то древнеиранскому источнику: ср., например, авест. *varəsa*, согдийск. *wrs* 'ворс', 'волос'.

К нахско-дагестанскому обозначению моста ведут, по-видимому, и идентичные по своему звукотипу картвельские названия плата: груз., мегрел. *ჸიშ-i*, сван. *ჸიშ*. Ближайшие к ним параллелизмыходим в нахских и цезских языках: чечен. *ჸაj*, ингуш. *ჸij*, бадб. *ჸiš* (согласно Т. Б. Гониашвили, три этих слова относятся к древнему лексическому фонду, унаследованному от периода нахского единства¹⁸), бежит. *ჸijo*, *ჸiro*, хварш. *ჸero* 'мост'. Системность фонологического соотношения *t* ~ *!t'*, наблюдающаяся в нахско-дагестанских формах (ср. авар. *!t'o*, андийск. *t'iru*, ахвах. *t'ira*, чамал. *t'e* 'мост'), свидетельствует об их исконности в этих языках. На основании отмеченных обстоятельств напрашивается естественный вывод о том, что картвельские лексемы находятся в непосредственной зависимости от наиболее близко стоящей к ним бацбийской.

¹⁴ С у л х а н - С а б а О р б е л и а н и . Произведения . IV. Тбилиси, 1966, стр. 247 (на груз. яз.).

¹⁵ И. К и п ш и д з е . Указ. соч., стр. 349.

¹⁶ Ш. Г. Г а п р и н д а ш в и л и . О лакско-даргинских звукосоответствиях . — ИКЯ VI. Тбилиси, 1954, стр. 300 (на груз. яз.).

¹⁷ Е. А. Б о к а р е в . Введение . . . , стр. 62.

¹⁸ Т. Б. Г о н и а ш в и л и . Термины, обозначающие строения в нахских языках . — «Третья региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Вопросы отраслевой лексики иберийско-кавказских языков» (Тезисы докладов). Грозный, 1969, стр. 24.

В заключение заслуживают быть отмеченными и такие словарные общности картвельских и нахско-дагестанских языков, пути становления которых в настоящее время представляются менее ясно. Так, несомненно, не могут претендовать на исконность в кавказских языках существующие в обеих языковых группах названия смолы (иногда в том числе — жевательной): при груз. *pis-i* (> бацб. *pis*¹⁹), мегрел. *pirsa* и сван. *pis*, с одной стороны, имеются авар., хварш., арчин. *picc*, ботл. *pircci*, лакск. *rič* и даргин. *renç* — с другой. В статье К. Ш. Микаилова, публикуемой в данном томе, высказывается мысль о зависимости нахско-дагестанских слов от осет. *biz* ‘вошина’. Следует вместе с тем учитывать, что сходные с кавказскими формы имеют в индоевропейских языках значительно более широкое распространение:ср.санскр. *piṭṭa*, греч. *πίσσα*, *πίττα*, лат. *pix* (род. и. — *picis*) ‘смола’. Скорее всего возникновение рассмотренного параллелизма обязано не контакту между обеими языковыми группами, а двум разным индоевропейским источникам: во всяком случае очевидна особенная близость картвельских форм к греческим.

Два других случая связаны с кавказскими названиями культурных злаков. Один из них представляет собой распространенное в очень сходном облике почти по всем нахско-дагестанским языкам название ячменя (ср. чечен., ингуш. *tiq*, бацб. *majqī*, авар. диал. *taqa*, цезск., хварш., гинух. *taqa*, даргин. *tiqi*, арчин. *taha*, лезгин. *tix*, *tox*, табас., будух. *tix*, крыз. *tax*, хинал. *taqa*), которое сближается с картвельским словом, обозначающим один из видов пшеницы — *Triticum tacha*: груз. *taha*, чан. *toxa* (если обе формы допускают реконструкцию прототипа **taha-* для грузинско-занского хронологического уровня²⁰, то несколько менее ясно отношение сюда сван. *tahag* ‘ячмень’). Другой случай составляет встречающееся в некоторых лезгинских языках обозначение проса, сопоставляющееся с картвельскими названиями другого вида пшеницы — *Triticum persicum*. Так, при цахур. *dik*, рутул. *dük*, агул. *dukk*, табас. *duk* и лезгин. *ccük* (связано ли с этими лексемами не вызывающее с формальной стороны возражений чечен., ингуш. *duga* ‘рис’?) имеем груз. *dika*, засвидетельствованное еще в древнегрузинских памятниках, а также чан. (*m)dika²¹). Необходимо, впрочем, отметить существование точки зрения о принадлежности обоих последних фактов к исконно общему для кавказских языков наследию²².*

¹⁹ Ср.: Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953, стр. 329.

²⁰ См. ЭСКЯ, стр. 130.

²¹ Картвельские слова сопоставлены И. А. Джавахишвили.

²² О. Кахадзе. О некоторых терминах хлебных растений в грузинском языке (материалы из лексических взаимоотношений в иберийско-кавказских языках). — ИКЯ, т. XII. Тбилиси, 1960, стр. 191—195 (на груз. яз.).